

Философия гибридных войн: онтологические аспекты

А. И. Пирогов¹✉, Т. В. Растимешина^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

² Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

✉ aipirogov2013@gmail.com

Аннотация. Проведен краткий анализ феномена гибридной войны, сложившихся военно-теоретических и политико-идеологических подходов к ее сущности. Подчеркивается, что гибридная война носит комбинированный характер и является новым инструментом современного межгосударственного противоборства. Особо выделяется сетевой характер гибридной войны, направленный на военно-экономическое изматывание противника, в связи с чем ее информационная составляющая становится стержневым элементом, милитаризуя всё информационное пространство. Резюмируется, что сторонники гибридных войн делают ставку на деструктивные процессы, ведущие к социально-политическим кризисам, взлому государства изнутри, сепаратизму, утрате государственного суверенитета.

Ключевые слова: гибридная война, гибридные угрозы, военные конфликты, информационная война, международные отношения

Для цитирования: Пирогов А. И., Растимешина Т. В. «Философия гибридных войн: онтологические аспекты». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 94–107. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-94-107> EDN: SCHEVG.

The philosophy of hybrid warfare: Ontological aspects

A. I. Pirogov¹✉, T. V. Rastimeshina^{1, 2}

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

² Russian State Social University, Moscow, Russia

✉ aipirogov2013@gmail.com

Abstract. A brief analysis of the phenomenon of hybrid war and the existing military-theoretical and political-ideological approaches to its essence is carried out. It is emphasized that hybrid war has a combined character and is a new instrument of modern interstate confrontation. The network character of hybrid war is particularly highlighted, aimed at military and economic exhaustion of the enemy, in connection with which its information component becomes a core element, militarizing the entire information space. It has been summarized that supporters of hybrid warfare rely on destructive processes leading to socio-political crises, hacking of the state from within, separatism, and loss of state sovereignty.

Keywords: hybrid war, hybrid threats, military conflicts, information war, international relations

For citation: Pirogov A. I., Rastimeshina T. V. "The Philosophy of Hybrid Warfare: Ontological Aspects". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.2 (2025): 94–107. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-94-107>

Введение

В течение многих столетий формы, методы и средства ведения войн и военных конфликтов опирались на военную мощь государства. Мы живем в цифровую эпоху, которая во многом изменила жизнь современного общества. В наше сознание вошли и стали обыденными такие понятия, как «информационное противоборство», «информационное оружие», «информационная война», «кибервойна», «гибридная война» и многие другие, обозначающие объекты и процессы, которые весьма активно используются в новых дискурсах и нарративах социальных наук. Новые типы военных противостояний привели к значительной диверсификации угроз для всех государств и народов, национальной и международной безопасно-

сти и повлекли за собой глубокие изменения дизайна военной безопасности современного миропорядка. Особую значимость в этом отношении приобрели гибридные войны, позволяющие их инициаторам вести агрессивные действия и одновременно быть в стороне от последствий, оставаясь «неактивными» игроками.

При обращении к понятию «гибридная война» следует подчеркнуть, что обозначаемый им феномен не является новым в истории войн и военных конфликтов: любая угроза национальной или международной безопасности принимает характер гибридной, если кроме военных действий применяются и другие методы достижения политических целей. Тем не менее, как отмечает Н. И. Харитонова, «термин „гибридная

война“ лишь проходит путь к полноценному включению в научный дискурс, а присутствие этого термина в документах стратегического планирования современных государств носит ограниченный характер» (Харитонов, 2024: 2: 28) (подробнее см.: Ковалев, 2024а; Ковалев, 2024б; Ковалев, 2024с; Сазонова, 2017; Дерешко, 2016; Цыганков и др., 2015).

Понятие гибридной войны — редкий термин, в котором сопрягаются три уровня научной рефлексии: уровень факта / явления (онтологический), уровень рефлексии (научной интерпретации) и уровень риторики (политики). Иными словами, хотя концепция гибридной войны уходит корнями в самую суть политических событий (Agon, 1969), и научная рефлексия, и язык научного описания, и риторика пронизаны политическими и идеологическими нарративами. Таким образом, гибридная война — явление политической реальности, понятие и термин общественных и философских наук и часть политической и военной риторики. Это положение дел размывает границы философского и научных дискурсов: часть авторов рассматривают проблему с теоретических позиций (Гапич, Лушников, 2014; Чварков, Лихоносов, 2017), тогда как иные акцентируют политико-прикладные и военные аспекты проблемы (Гареев, 2008; Чекинов, Богданов, 2013; Фридман, 2016).

Междисциплинарность в случае с рассмотрением гибридной войны превращается в трансдисциплинарность: в дискуссиях, которые заявляются как научно-практические конференции и круглые столы, принимают участие и высказываются не только представители академического сообщества, политики, военные (нередко отставные), но и журналисты, военные аналитики, политические

комментаторы, колумнисты. В период с 1 января 2014 г. по 30 июня 2019 г. термин «гибридная война» упоминался в 221 публикации в центральной прессе, в военных периодических изданиях (83 журнала) — в 56 статьях. С начала дискуссии о природе и сущности гибридных войн наиболее активным автором, высказывающимся по этой проблеме на русском языке, является А. Бартош, который с 2015 г. опубликовал более 130 научных статей, монографий и учебников по теме гибридных войн¹. Активность этого исследователя отчасти привела к тому, что проблемное поле оказалось практически залито его идеями и концептами, а исследовательская оптика настроена и парадигма смещена в сторону теорий безопасности.

В силу трансдисциплинарности исследовательских подходов, смещения парадигм, слияния научной и публичной риторики, хотя и имеются явные различия в акцентах и даже в используемой терминологии, в дебатах есть определенная синергия: аналитические аспекты концепции замещаются политической риторикой, с пониманием гибридной войны как «скрытого конфликта, обладающего сложной внутренней структурой, протекающего в виде интегрированного военно-политического, финансово-экономического, информационного и культурно-мировоззренческого противостояния, не имеющего определенного статуса»². Эта понятийная и методологическая неопределенность обуславливает актуальность нашего исследования. В качестве не методологической рамки, но методологической опоры для нас выступают труды классиков общественной науки (Маркс, Энгельс, 1955), составляющих в своей совокупности базис теории государства как института легального насилия, в первую очередь, Т. Гоббса (Гоббс, 2001; Гоббс, 1989).

¹ https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=772106

² Бартош А. А. «Гибридная война — переход от неудач к победе». *Независимое военное обозрение* 01 июня 2018 г. <https://nvo.ng.ru/nvo/2018-06-01/1_998_hybrid.html>.

Наша гипотеза заключается в том, что несмотря на активность публичной дискуссии по поводу трансформации и гибридизации форм, целей и средств военных конфликтов, философские (в частности, онтологические и этические) аспекты информационной войны находятся на периферии публичных дискурсов. Соответственно, русскоязычное теоретическое пространство имеет пробелы в самом центре — в том центре, в котором должно быть определено, чем в бытийном — онтологическом — смысле является гибридная война. Приведенная нами дефиниция, артикулированная А. Бартошем в статье «Стратегия и контрстратегия гибридной войны» (Бартош, 2018), изобилует как смыслами, так и контрсмыслами, поэтому не только не вносит ясности, но и не подлежит критическому осмыслению.

Статья представляет собой теоретический обзор.

Гибридная война: онтологические аспекты

На наш взгляд, генезис гибридных войн самым непосредственным образом связан с появлением и осмыслением на теоретическом и политическом уровне оружия массового поражения и онтологической угрозы небытия мира и цивилизации вследствие эскалации конфликтов и перехода политических конфликтов в военную плоскость. В условиях, когда субъекты политического бытия стремятся к сохранению и наращиванию своего присутствия в глобальной политике, с одной стороны (это стремление детерминирует необходимость присутствия и в глобальных конфликтах, и в процессах обеспечения мировой, региональной и локальной военной безопасности), при этом, с другой стороны, растет ответственность и разрастаются угрозы разворачивания третьей мировой войны с применением некон-

венциональных и экзистенциальных видов вооружения, — возникает видимое противоречие между необходимостью реализации национальных интересов через присутствие государства в глобальной политике и угрозой присутствия (из-за его сопровождения рисками ядерной войны). Соответственно, сначала мировые сверхдержавы, затем другие глобальные и региональные игроки стали применять другие — нетрадиционные — средства ведения войн, т. е. продолжения политики иными (не дипломатическими) средствами. Таким образом, первым ключевым фактором гибридизации войн стало появление экзистенциальных видов вооружений и экзистенциальных угроз. Поэтому природа гибридной войны — как ни парадоксально — напрямую связана с необходимостью разрешать конфликты нетрадиционными способами с целью минимизировать потенциальные риски разворачивания традиционной войны.

Вторым ключевым фактором, который определяет онтологию гибридной войны, стал глобальный рост цены и ценности человеческой жизни, глобальный рост штрафов за насилие (выразившийся в развитии норм международного права в сторону устрожения санкций для агрессора за неконвенциональные и даже конвенциональные формы насилия), а также глобальной этики, которая постепенно исключила из этики военных конфликтов доктрину «цель оправдывает средства», а доктрина малого зла ради предотвращения большого зла подверглась существенному пересмотру и трансформации с позиций гуманизма и постгуманизма.

Первые исследования в этой области связаны с именем теоретика войны, создателя термина «мятежевойна» и визионера Е. Э. Месснера³ (Месснер, 2004), который

³ Опираясь на исследования Е. Э. Месснера, военные эксперты на Западе стремятся представить созданные в США механизмы «гибридной войны» как «изобретение» русских, что позволяет им перекладывать на Россию ответственность за глобальную и региональную безопасность и повсеместно представлять российское государство в качестве «агрессора» и «угрозы» существующему мировому порядку.

еще в 1950—1960-е гг. стремился привлечь внимание исследователей к тому, что «создалась новая форма вооруженных конфликтов, которую назовем *мятежевойной*, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения»⁴. Месснер утверждал: «Этот новый феномен подлежит рассмотрению с разных точек зрения и в первую очередь с психологической: если в войнах классического типа психология постоянных армий имела большое значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войск и воюющих народных движений психологические факторы стали доминирующими. Народное войско — психологический организм, народное движение — сугубо психологическое явление. Война войск и народных движений — *мятежевойна* — психологическая война»⁵. Месснер также отмечал: «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. <...> В будущей войне <...> воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента рождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением...»⁴. Месснер предсказал появление новых средств ведения войны (баллистических ракет и противоракетной обороны), новых форм войн (мятежей) и конфликтов: этнополитических, радикально-религиозных, племенных, «беспринципных» (террористических), а также новых активных форм участия в них (прокси, ответственное наемничество и др.).

Вместе с тем научная и философская рефлексия этих процессов разворачивается только тогда, когда все игроки «большой шахматной игры» уже применили гибри-

дные формы и инструменты участия в политических конфликтах всех уровней. Основателями теории гибридной войны обычно считают американский военный Дж. Мэттиса и Ф. Хоффмана⁶, которые в начале XXI в. характеризовали ее как тактику конвенционального и неконвенционального ведения боевых действий и определяли как «агрессии, которые включают полный спектр разных способов ведения военных действий, в том числе использование конвенциональных вооружений, неконвенциональной тактики и нерегулярных сил, террористических действий с применением недискриминирующего насилия и принуждения, беспорядков, инициированных преступными элементами, применяемые обеими сторонами и разными негосударственными игроками» (Hoffman, 2007: 8).

В этом определении, ставшем классическим, нет важного аспекта, без которого сущность гибридной войны не может быть прояснена. Отсутствует отмеченная Е. Э. Месснером особенность, отличающая гибриды от традиционной войны: государство в новой войне, *не отказываясь* от монополии на легальное насилие, тем не менее активизирует новых *операторов* насилия: командос, партизанские отряды, оппозиционные группировки, террористические организации и прочих прокси-актеров, которые могут оставаться под оперативным контролем государства или выходить из него. В определенном смысле гибридизация (и это хорошо иллюстрируют конфликты на Ближнем Востоке: в Сирии, Ливане, Персидском заливе, секторе Газа) — это прогресс в средствах при регрессе в природе и сущности войны (имея в виду возвращение войны как насилия всех против всех).

⁴ Месснер Е. «Мятежевойна». *Независимое военное обозрение* 05 ноября 1999 г. <https://nvo.ng.ru/history/1999-11-05/7_rebelwar.html>.

⁵ *Российский военный сборник*. [Ред. А. Е. Савинкин]. Вып. 21. *Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера*. [Сост. И. В. Домнин]. М.: ГА ВС, 2005. 99.

⁶ Генерал-лейтенант Джеймс Н. Мэттис, Корпус морской пехоты США, и подполковник Фрэнк Хоффман, резервист Корпуса морской пехоты США (в отставке).

В то же время статья Дж. Мэттиса и Ф. Хоффмана «Война будущего: Зарождение гибридных войн» начинается с рассуждения о том, что изменились формы, но не природа войны. Авторы отмечают: «Наше увлечение РВД и преобразованиями снова изменилось под воздействием непреходящего урока истории о преобладающей роли человеческого измерения в войне. Наше увлечение технологиями было отражением нашего собственного зеркального отображения и нереалистичного желания диктовать ведение войны на наших собственных условиях. Недавние конфликты подчеркивают необходимость всегда помнить, что враг — это человек, способный мыслить творчески. По сути, у него есть голос в конкурентном процессе, который мы знаем как войну, и он не обязан играть по нашим правилам. Конечно, в ведении войны происходят как революционные, так и эволюционные изменения. Социальные, политические и технологические силы могут влиять на характер конфликта. Но они не меняют — и не могут изменить — его фундаментальную природу»⁷. Иными словами, военные подчеркивают антропную природу и антропный принцип любого военного конфликта.

В исследованиях западных ученых, в частности Дж. Уизера, отмечается: «Дефинирование гибридной войны не есть всего лишь академическое занятие. То, как определено это понятие, может определить, как государства воспринимают и как реагируют на гибридные угрозы, а также, какие государственные ведомства принимают участие в противодействии им» (Уизер, 2016: 15.2: 85). Действительно, западные исследования чуть в меньшей степени, чем российские, но всё же склонны к тому, чтобы смешивать философский и публично-политический нарративы.

Многие исследователи отмечают появление в новом типе войн субъектов, применяющих военное насилие. К примеру, военный историк П. Мансур видит в ней «конфликт, подразумевающий сочетание конвенциональных военных и нерегулярных сил (партизан, повстанцев и террористов), которые могут быть государственными или негосударственными акторами, действующими во имя достижения общей политической цели» (Mansoor, 2012: 2). Такое определение гибридной войны обнаруживает и высвечивает, что новые операторы насилия стремятся к интеграции конвенциональных и неконвенциональных инструментов и способов ведения войны, включая обширный спектр невоенных действий противоборствующих сторон (в частности, информационное насилие) даже при отсутствии угрозы использования насилия в его традиционных летальных формах. В то же время это определение трудно отнести и к военной теории (ввиду очевидной дескриптивности), и к философии.

Китайские исследователи называют гибридную войну «неограниченной войной», в которой нет никаких правил и запретов (Liang, Xiangsui, 2015). Этот подход отражает два важных аспекта природы гибридной войны: во-первых, стремление акторов международного права уклониться от той ответственности, которая ими самими была имплементирована в международные договоры, конвенции, решения международных судов и трибуналов; во-вторых, новый способ уклонения от юридической ответственности — создание прокси-акторов, распределение и демонополизация насилия в пользу субъектов, не являющихся субъектами международного права. Всё это приводит к тому, что прокси-акторы действуют в обход гуманитарных норм и стандартов, причем при этом хоть и менее витальных, но более

⁷ Mattis J. N., Hoffman F. "Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars". *USNI Proceedings* 131 (2005): n. pag. Web. 8 July 2005. <<https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars>>.

изошренных (в том числе дискриминирующих) форм насилия характеризует гибридную войну как инновационную, тогда как монополизация насилия с применением его всеми против всех указывает на то, что гибридные войны архаичны и истончают ткань гуманитарной правовой рамки цивилизации.

Таким образом, большинство исследователей сходится во мнении, что понятие «гибридная война» — достаточно широкое, объединяющее в себе не только военные, но и правовые, информационные, социально-психологические и иные составляющие и являющее собой специфический вид «войны четвертого поколения» — более высокотехнологичной и разнообразной, с точки зрения операторов, форм и инструментов насилия.

Углубленное изучение проблем теории гибридной войны в России началось относительно недавно⁸. Значительный вклад в современную трактовку гибридной войны внесли российские ученые Р. В. Арзуманян, А. А. Бартош, Н. С. Данюк, А. Г. Дугин, Д. А. Егорченков, А. В. Манойло, Ю. Ю. Першин, И. Н. Панарин, П. А. Цыганков и мн. др. В их работах осуществлен подробный концептуальный анализ гибридной войны и гибридных угроз как исключительно значимого вида современного межгосударственного противоборства, выявлены системообразующие элементы, раскрывающие содержание современных войн и военных конфликтов, подчеркивается, что в эпоху цифровых технологий феномен «гибридная война» наполняется новым содержанием и приобретает комбинированный облик.

Российские исследователи, как правило, строят свои концепции вокруг политического (не политологического) по своему содержанию нарратива «войны как посяга-

тельства на суверенитет». В этом нарративе главной целью гибридной агрессии (хотя исследователи русскоязычного дискурса предпочитают термин «война») является низвержение суверенитета и территориальной целостности страны посредством политической изоляции, экономических санкций, поддержки оппозиции, террористических организаций, преступного бизнеса («пятой колонны») и т. д. внутри страны, а также провоцирования различного рода конфликтов, которые не идентифицируются в качестве актов прямой агрессии или «агрессивной войны», но активно воздействуют на демонтаж государственности страны и ее субъектности на международной арене. При этом основной упор делается на военно-экономическое изматывание противника и так называемый взлом государства изнутри, которые в конечном итоге должны привести к фактическому лишению суверенитета без завоевания территории государства посредством военно-силового воздействия и установлению над ним внешнего управления со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Таким образом, российские исследователи, обходя сложившуюся в социальных науках и философии парадигму и дихотомию справедливой-несправедливой войны, характеризуют ее как несправедливую-саму-по-себе.

Можем ли мы считать метаэтический консенсус по поводу несправедливого характера гибридной войны достаточным основанием для заключения научного и философского консенсуса по поводу сущности гибридной войны? На наш взгляд, такой взгляд на гибридную войну не приближает, а отдаляет консенсус собственно научный. Теория справедливой войны развивалась со времен Средневековья. Ее содержание обогащалось и расширялось за счет новых свойств

⁸ В официальном документе РФ — Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2021) — и документах, принятых в формате Союзного государства России и Беларуси, категория «гибридная война» не представлена как системообразующая.

обществ, целей и характера войны, дополнялось новыми концептами (в частности, геноцид) и содержанием, которое определяется особенностями эпохи. Вместе с тем теория справедливой войны, как любая этическая теория, логически допускает и даже предполагает формулирование таких предписаний и ценностей, которые могут и должны быть уважаемы и почитаемы людьми и институтами, к которым обращается теория. Теория справедливой войны предписывает людям и государствам воздержание от несправедливой агрессии и, в случае необходимости, вступление в справедливую войну. Таким образом, хотя существуют этические теории, которые запрещают любые витальные формы насилия (убийства), увечья и даже причинение вреда здоровью на войне, такого рода этические идеи в дискурсе войн неприменимы, поскольку концепция войны по определению включает в себя убийство, нанесение вреда здоровью и причинение ущерба врагам. В связи с этим характер каждого нового конкретного вида войны влияет на содержание этической теории войн, но не наоборот (Boda, 2022).

Эту особенность гибридной войны отмечают российские ученые Д. А. Егорченков и Н. С. Данюк, рассуждая следующим образом: «важнейшая особенность ведения гибридной войны» состоит в том, что она позволяет *«минимизировать потери от прямого военного столкновения, значительно уменьшить вероятность крупномасштабного вооруженного конфликта, тем более с применением ядерного оружия, что нивелирует роль классических военных инструментов и вынуждает вырабатывать „нелинейный“ асимметричный ответ»* (Егорченков, Данюк, 2018: 1: 27—28). Американский специалист по военной этике С. Э. Пфафф также отмечает, что современный многополярный мир нуждается в новых операторах: «...Формирующийся полиархический порядок увеличивает не только количество и тип действующих лиц, которые

могут служить в качестве благодетелей и доверенных лиц, но, что наиболее важно, это увеличивает потребность в таких отношениях» (Pfaff, 2017: 9: 350).

Эти рассуждения встраиваются в англоязычный нарратив гибридных войн как войн низкой интенсивности. Так, Дж. Т. Джонсон отмечал, что войны низкой интенсивности актуальны, приводя следующие аргументы: «В мире после окончания холодной войны существует больше возможностей для достижения существенных результатов. Международные соглашения о видах деятельности, которые требуют нетрадиционных ответных мер (*террор, геноцид*. — А. П., Т. Р.), распространяются, при необходимости, на применение силы через национальные границы. <...> Возможно, мы сможем бороться с систематическими нарушениями прав человека, спонсируемым государством терроризмом, региональной агрессией и глобальной торговлей наркотиками — не в качестве одиноких палачей, а с одобрения и при поддержке сообщества наций» (Johnson, 1995: 168). Иными словами, гибридная война, несмотря на «сваливание» насилия в архаическое естественное состояние войны всех против всех, может стать инструментом снижения глобального уровня насилия. К тому же, как отмечают отдельные авторы, в частности К. Л. Сазонова, «глобальное военно-силовое противостояние становится всё менее актуальным даже не из-за противоправности с точки зрения международного права, а из-за фактической военной неэффективности» (Сазонова, 2017: 4: 181) (см. также: Дерешко, 2016).

В то же время не следует упускать из виду, что в любой гибридной войне расширение военного конфликта может стать своеобразным «поворотным пунктом» трансформации несилового воздействия к силовому, чреватому развязыванием глобального конфликта. В этом отношении необходимо подчеркнуть, что важнейшей особенностью

гибридной войны является ее нелегитимный характер — нормы международного права в случае с гибридной войной, как мы отметили, не играют роли сдерживающего агг्रेसию фактора. В связи с этим сложно не согласиться с идеями С. Э. Пфаффа, который высказывает предположение: в зоне проведения военных операций с переходом от естественного состояния мира к естественному состоянию войны меняется и моральное значение применения силы. Это означает, что когда мир и война различимы в теории морали и этики, в ходе войны солдаты, отдающие себе отчет в этом различии, получают мощный и практичный концептуальный инструмент для разрешения почти неразрешимого конфликта между должной заботой о гражданском населении, которую им предписано проявлять, и должным риском, на который они обязаны идти для достижения своих целей (Pfaff, 2017). Таким образом, Пфафф отмечает переход дилеммы применения — неприменения силы (меньшего зла) в той или иной ситуации из правовой плоскости в моральную. Однако это означает, что вместе с насилием в гибридной войне перераспределяется и ответственность за принятое решение между новыми операторами насилия.

Остается открытым вопрос о том, ведет ли это к гуманизации войны. Однако трудно возразить Пфаффу, называющему гибридные войны «войнами чужими руками»: «В то время как в биполярном мире времен холодной войны, безусловно, было немало войн чужими руками, в наше время доверенные лица могут сделать войны, которые кажутся справедливыми, более вероятными и беспорядочными. Учитывая, что цель традиции справедливой войны состоит в том, чтобы предотвратить войну или ограничить страдания, которые она причиняет, доверенные отношения рискуют подорвать эту традицию, даже если они ей соответствуют» (Pfaff, 2017: 9: 312—313). Соответственно, гибридизация

войны способствует становлению новой — распределенной — этики, мало конгруэнтной теории справедливой войны.

Как российские, так и зарубежные исследователи подчеркивают «зонтичный характер» гибридной войны для обозначения комплексности мер воздействия на противоборствующую сторону, находящихся вне классического военно-силового противостояния, запрещенного ст. 2 Устава ООН. Так, в подавляющем большинстве исследований проблем гибридной войны отмечается ее сетевой характер: циркулирующая в военных, экономических, дипломатических и иных структурах и гражданской среде информация интегрируется в единую сеть, в которой главенствующая роль отводится современным информационным технологиям, в связи с чем информационная составляющая гибридной войны становится ее стержневым элементом, милитаризируя всё информационное пространство. Иными словами, делает вывод П. А. Цыганков, «...гибридная война» втягивает в антагонизм всё население и охватывает все сферы общественной жизни: политику, экономику, социальное развитие, культуру» (цит. по: Филимонов, Данюк, 2017: 3: 20), а в информационной сфере становится ареной межгосударственного противостояния, своеобразным информационно-коммуникационным театром военных действий.

Сегодня можно констатировать, что средства массовой информации и глобальная сеть Интернет всё более приобретают ярко выраженный агрессивный характер в целях изменения общественного сознания населения противоборствующей стороны посредством так называемой *soft power* (мягкой власти). В то же время человечество стремится не только к философскому и научному осмыслению новых видов оружия массового влияния, но и к их этической оценке. Как мы отмечали, новые войны рождают новую этику, понятия и правовые нормы,

поэтому «Радио тысячи холмов», являвшееся инструментом и фактически провокатором разжигания геноцидальных расправ над тысячами жителей Руанды⁹, и его сотрудники подверглись уголовному преследованию и осуждению.

Помимо этого, к наиболее важным характеристикам информационной войны как составной части гибридной войны следует отнести: системное воздействие экономического, политического и идеологического характера, направленное на утрату государственного суверенитета противоборствующей стороны; разрушение информационных ресурсов (архивов, банков данных и др.); размещение в СМИ и Интернете заведомо ложной, деструктивной, носящей провокационный характер информации; формирование условий, способствующих конфронтации различных политических сил в стране; шантаж и клевета; создание «спящих» ячеек, вербовка (преимущественно из числа молодежи) в ряды террористических организаций и боевиков.

Выводы и дискуссия

В современном мире происходят сложные социальные трансформации, изменяющие характер внешних и внутренних вызовов и угроз национальной и международной безопасности, связанных с ведением гибридных войн — комплексным использованием военных, экономических, дипломатических, политических и иных средств и методов межгосударственного противоборства как в условиях военных действий, так и в мирное время. Используя известную формулировку Клаузевица (см., напр., Грау, 2007), можно также констатировать, что в сравнении с традиционными военными действиями она включает в себя политику «иными средствами», базирующимися на научно-практических достижениях цифро-

вой эпохи и игнорирующими нормы международного права. В этом отношении гибридная война представляет собой модель войны, скрывающей свой военно-силовой характер, выдвигающей на первый план методы и способы ведения информационной войны, вследствие чего информационный фактор безопасности приобретает особо важный характер, поскольку высокотехнологичное информационное воздействие на сознание людей (фальсификация исторической правды, искажение реальных фактов действительности, распространение клеветнических слухов и т. д.) многократно превышает опасность кризисных явлений в обществе.

Понятие и теория гибридной войны остаются спорной концепцией, и общепринятого ее определения не существует. Все теории подвергаются большой критике за отсутствие концептуальной ясности. Тем не менее эта концепция позволяет рефлексировать современные и прогнозировать будущие этические, антропологические, правовые и военные проблемы глобальной безопасности.

Гибридная война подразумевает взаимодействие или слияние традиционных и нетрадиционных форм власти, насилия и инструментов подрывной деятельности. Эти инструменты или орудия смешиваются синхронизированным образом, чтобы использовать уязвимости противника и достичь синергетических эффектов. Цель объединения кинетических инструментов и некинетических тактик — нанесение ущерба воюющему государству оптимальным образом: наиболее эффективным, максимизирующим выгоду и минимизирующим конвенциональное насилие.

Отличительными характеристиками гибридной войны является отсутствие *казус белли* и других признаков, позволяющих различить временные, правовые, этические рамки войны. Гибридная война «неуловима»,

⁹ См.: Méreuze D. “Mille Collines, la radio de la haine”. *La Croix* 13 déc. 2012. <https://www.la-croix.com/Culture/Theatre/Mille-Collines-la-radio-de-la-haine-_NG_-2012-12-13-887560>.

наблюдателю и теоретику трудно ее операционализировать. Гибридные атаки, как правило, характеризуются большой неопределенностью, с точки зрения ответственного субъекта. Такую неясность намеренно создают и усиливают гибридные акторы, чтобы усложнить атрибуцию и ответные меры. Другими словами, страна, которая является целью, или не может обнаружить гибридную атаку, или не имеет достаточных оснований приписать ее государству, которое предпо-

жительно ее совершает, организует или спонсирует. Эксплуатируя пороги обнаружения и атрибуции, гибридный субъект агрессии затрудняет для объекта агрессии разработку политики и военных ответов на гибридные атаки. Все характеристики также указывают на то, что гибридные атаки сочетают в себе архаичное насилие всех против всех с инновационными методами осуществления насилия.

Список литературы и источников / References

- Бартош А. А. «Стратегия и контрстратегия гибридной войны». *Военная мысль* 10 (2018): 5—20. EDN: NFVMMMA.
- Bartosh A. “Strategy and Counterstrategy of Hybrid War”. *Voyennaya mysl’ = Military Thought* 10 (2018): 5—20. (In Russian).
- Гапич А. Э., Лушников Д. А. *Технологии цветных революций = Technology of Color Revolutions*: монография. 2-е изд. М.: РИОР; Инфра-М, 2014. 126 с.
- Gapich A. E., Lushnikov D. A. *Technology of Color Revolutions*. 2nd ed. Moscow: RIOR; Infra-M, 2014. 126 p. (In Russian).
- Гареев М. А. «Стратегическое сдерживание — важнейшее направление обеспечения национальной безопасности России в современных условиях (доклад)». *Вестник Академии военных наук* 4 (25) (2008): 4—14.
- Gareyev M. A. “Strategic Deterrence is the Most Important Direction of National Security Protection of Russia in Present-Day Conditions (Report)”. *Vestnik Akademii voyennykh nauk* 4 (25) (2008): 4—14. (In Russian).
- Гоббс Т. *Левиафан*. М.: Мысль, 2001. 478 с. Из классического наследия.
- Hobbes Th. *Leviathan*. Rev. student ed. Ed. R. Tuck. Cambridge: Cambridge Up, 1996. 618 p.
- Гоббс Т. *О гражданине*. Гоббс Т. *Сочинения*: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 270—506.
- Hobbes Th. *Man and Citizen: (De Homine and De Cive)*. Ed. D. Gert. Indianapolis, IN: Hackett Publ. Co., 1991. 394 p. Hackett Classics.
- Дерешко Б. Ю. «Морально-психологическое обеспечение противоборства в гибридных войнах: правовые аспекты». *Вестник военного права* 1 (2016): 55—60. EDN: XHOCIZ.
- Dereshko B. Yu. “Moral and Psychological Support of Confrontation in Hybrid Warfare: Legal Aspects”. *Vestnik voyennogo prava* 1 (2016): 55—60. (In Russian).
- Егорченков Д. А., Данюк Н. С. «Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена „гибридных войн“ и „гибридных угроз“: взгляд из России». *Вестник Московского университета* сер. 12 *Политические науки* 1 (2018): 26—48. EDN: YPGYLZ.
- Egorchenkov D. A., Danyuk N. S. “Theoretical and Ideological Approaches to Studying the Phenomenon of ‘Hybrid Wars’ and ‘Hybrid Threats’: Russia’s Perspective”. *Vestnik Moskovskogo universiteta* ser. 12 *Politicheskiye nauki = Lomonosov Political Science Journal* 1 (2018): 26—48. (In Russian).

- Ковалев А. А. «Антропологические аспекты гибридной войны как войны нового поколения». *Вестник Вятского государственного университета* 2 (152) (2024a): 7—17. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.24.017>. EDN: PJEAFG.
- Kovalev A. A. “Anthropological Aspects of Hybrid Warfare as a New Generation War”. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Vyatka State University* 2 (152) (2024a): 7—17. (In Russian). <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.24.017>
- Ковалев А. А. «Информационная война: ценности, идеологические противостояния и пути защиты». *Социум и власть* 3 (101) (2024b): 7—23. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-3-07-23>. EDN: NINMCK.
- Kovalev A. “Information Warfare: Values, Ideological Confrontations and Ways of Defense”. *Sotsium i vlast = Society and Power* 3 (101) (2024b): 7—23. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-3-07-23>
- Ковалев А. А. «Международное гуманитарное право в эпоху нетрадиционных войн: вызовы и перспективы». *Вестник Тверского государственного университета сер. Философия* 1 (67) (2024c): 49—61. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2024.1.049>. EDN: DWZSOQ.
- Kovalev A. A. “International Humanitarian Law in the Era of Unconventional Wars: Challenges and Prospects”. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta ser. Filosofiya = Vestnik Tver State University ser. Philosophy* 1 (67) (2024c): 49—61. (In Russian). <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2024.1.049>
- Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*. М.: Госполитиздат, 1955. 72 с.
- Marx K., Engels F. *The Communist Manifesto*. 1888 transl. ed. Transl. S. Moore. San Diego, CA: Booklover’s Library Classics, 2022. 103 p.
- Месснер Е. Э. *Всемирная мятежевойна*. М.; Жуковский: Кучково поле, 2004. 511 с. Геополитический ракурс.
- Messner E. E. *The World Insurgency*. Moscow: Kuchkovo pole, 2004. 511 p. (In Russian). Geopoliticheskiy rakurs.
- Сазонова К. Л. «„Гибридная война“: международно-правовое измерение». *Право. Журнал Высшей школы экономики* 4 (2017): 177—187. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.4.177.187>. EDN: YNTQCG.
- Sazonova K. “Hybrid Warfare: International Law Dimension”. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics* 4 (2017): 177—187. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.4.177.187>
- Уизер Джеймс К. «Смысл гибридной войны». *Connections QJ* 15.2 (2016): 84—100. <https://doi.org/10.11610/Connections.rus.15.2.06>
- Wither James K. “Making Sense of Hybrid Warfare”. *Connections QJ* 15.2 (2016): 73—87. <https://doi.org/10.11610/Connections.15.2.06>
- Филимонов Г., Данюк Н. «Гибридная война»: интерпретации и реальность». *Свободная мысль* 3 (1663) (2017): 17—24. EDN: ZDNAAX.
- Filiminov G., Danyuk N. “ ‘Hybrid War’: Interpretations and a Reality”. *Svobodnaya mysl = Free Thought* 3 (1663) (2017): 17—24. (In Russian).
- Фридман О. «„Гибридная война“ понятий». *Вестник МГИМО-Университета* 5 (50) (2016): 79—85. EDN: YGCOSF.
- Fridman Ofer. “A ‘Hybrid War’ of Terms”. *Vestnik MGIMO-Universiteta* 5 (50) (2016): 79—85. (In Russian).
- Харитонов Н. И. «ОДКБ и проблема гибридных войн». *Международная жизнь* 2 (2024): 28—37. EDN: PWHGEB.
- Kharitonova N. I. “CSTO and the Problem of Hybrid Warfare”. *Mezhdunarodnaya zhizn’ = International Affairs* 2 (2024): 28—37. (In Russian).

- Цыганков П. А. (авт., ред.), Радиков И. В., Ачкасов В. А. и др. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: [коллект. монография]. М.: Изд-во МГУ, 2015. 384 с. EDN: XAVYJR.
- Tsygankov P. A. (auth., ed.), Radikov I. V., Achkasov V. A. et al. “Hybrid Warfare” in the Chaotizing World of the 21st Century: [joint monograph]. Moscow: Moscow State Up, 2015. 384 p. (In Russian).
- Чварков С. В., Лихоносов А. Г. «Новый многовекторный характер угроз безопасности России, возросший удельный вес „мягкой силы“ и невоенных способов противоборства на международной арене». *Вестник Академии военных наук* 2 (59) (2017): 27—30. EDN: XPHUZN.
- Chvarkov S. B., Lihonosov A. G. “New Polivectoral Character of the Russia Security Threats, the Increasing Specific Weight of the ‘Soft Force’ and the Ways of Contradiction on the International Arena”. *Vestnik Akademii voyennykh nauk* 2 (59) (2017): 27—30. (In Russian).
- Чекинов С. Г., Богданов С. А. «О характере и содержании войны нового поколения». *Военная мысль* 10 (2013): 13—24. EDN: RGYZOX.
- Chekinov S. G., Bogdanov S. A. “About Nature and Contents of New Generation War”. *Voyennaya mysl’* 10 (2013): 13—24. (In Russian).
- Aron R. “The Evolution of Modern Strategic Thought”. *The Adelphi Papers* 9 (54) (1969): 1—17.
<https://doi.org/10.1080/05679326908448124>
- Boda Mihály. “A hibrid háború etikája: az igazságos hibrid háború elmélete”. *A hadtudomány aktuális kérdései I*. Ed. Miklós Szabó. Budapest: Ludovika Egyetemi Kiadó, 2022. 95—109. (In Hungarian).
- Gray C. S. “Carl von Clausewitz and the Theory of War”. *War, Peace and International Relations: An Introduction to Strategic History*. By C. S. Gray. London: Routledge, 2007. 15—30.
- Hoffman Frank G. *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. iv, 72 p.
- Johnson James Turner. “Chapter VI — Just War Tradition and Low-Intensity Conflict”. *Legal and Moral Constraints on Low-Intensity Conflict*. Eds A. R. Coll, J. C. Ord, S. A. Rose. Newport, RI: Naval War College, 1995. 147—170.
- Mansoor Peter R. “Hybrid Warfare in History”. Introduction. *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Eds W. Murray, P. R. Mansoor. Cambridge: Cambridge Up, 2012. 1—17.
- Liang Qiao, Xiangsui Wang. *Unrestricted Warfare: China’s Master Plan to Destroy America*. Transl. S. Pollak. Brattleboro, VT: Echo Point Book & Media, 2015. 212 p.
- Pfaff C. Anthony. “Proxy War Ethics”. *Journal of National Security Law and Policy* 9 (2) (2017): 305—353.

Информация об авторах

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, профессор Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), aipirogov2013@gmail.com, SPIN-код: 1175-9640.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «ЭСГИ» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1); профессор кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета (Россия, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4/1), rast-v2012@yandex.ru, SPIN-код: 6991-7190, ORCID: 0009-0003-9186-2393, ResearcherID: HXT-6334-2023.

Авторский вклад

Пирогов А. И. — изучение концепции; подготовка начального варианта текста.

Растимешина Т. В. — теоретическое осмысление концепции; проведение сравнительно-исторического исследования; развитие методологии; критический анализ и доработка текста.

Information about the authors

Alexander I. Pirogov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), aipirogov2013@gmail.com, SPIN code: 1175-9640.

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Editor-in-Chief of “ESGI” journal, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1); Professor at the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University (Russia, 129226, Moscow, Wilhelm Pieck st., 4/1), rast-v2012@yandex.ru, SPIN code: 6991-7190, ORCID: 0009-0003-9186-2393, ResearcherID: HXT-6334-2023.

Author Contributions

A. I. Pirogov — study of the concept; writing — preparation of the initial text.

T. V. Rastimeshina — conceptualization; conducting a comparative historical study; development of methodology; writing — critical analysis and revision of the text.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025, одобрена после рецензирования 29.05.2025.
The article was submitted 05.03.2025, approved after reviewing 29.05.2025.